

Стриминговая платформа корпорации «Цзиньсю Хуанянь» называлась «Цзиньсю Лайв». Отличалась она тем, что жёстко отсеивала низкосортный контент: кликбейтом и дешёвой провокацией попасть в рекомендации было невозможно. На главной странице регулярно мелькали заголовки вроде «Заслуженный профессор N-ского университета: высшая математика онлайн» — отчего платформу в шутку прозвали «Академическое ТВ».

Сегодня на главной «Академического ТВ» внезапно появилась стрим-комната с максимальным приоритетом: без имени ведущего, без аватарки, без описания. Хэштег «Академическое ТВ взломали» мгновенно взлетел в тренды.

Толпы пользователей ринулись в загадочный стрим — посмотреть, кто осмелился посягнуть на «папочку нации».

Через две секунды самые внимательные заподозрили неладное.

«Ведущий даже телефон нормально не держит, он что, идёт? Только бы не скрытая съёмка — это ведь незаконно!»

«Мне кажется, или это кабинет моего мужа? Я узнаю вазу — он на её фоне селфи делал!»

«Муж внезапно вышел в эфир?»

Станный стрим перешёл к делу без прелюдий. Молодой голос произнёс:

— Что там внизу произошло?

Если бы в этом голосе было чуть больше блеска и уверенности, он был бы неотличим от голоса Хэ Цзиньняня.

Сейчас он звучал слишком тихо. Совсем не похож на того сияющего молодого президента с пресс-конференции.

Всё произошло слишком внезапно. Хэ Сяньян сидел за столом, всё ещё злясь на «мастера», который вот так сорвался и ушёл. О том, что случилось в гараже, он понятия не имел.

— Раньше я думал, что ты просто суеверен. В конце концов, в нашей семье суеверие — традиция от прадеда, — голос Хэ Цзиньняня был ровным, лишь легко хмурились брови, словно он обсуждал рядовую бизнес-задачу. — Но я не думал, что обычные суеверия могут...

Он считал это мошенничеством. Оказалось — призраки настоящие. И разводит их вот этот уважаемый бизнесмен средних лет.

Он только что покатился по полу, уворачиваясь от призрачных когтей. Ничто так молниеносно не ломает картину мира, как увидеть всё собственными глазами.

Он помолчал, придвинул стул и сел напротив отца. Телефон лежал экраном вниз на ладони.

— Который раз?

— Что? — не понял Хэ Сяньян.

— Который раз ты замуровываешь людей в колонны для ритуала?

— Откуда ты знаешь? Эта компания мошенников убежала — они пришли к тебе за деньгами? — Хэ Сяньян вскочил.

Хэ Цзиньнянь ослепительно улыбнулся:

— Значит, это действительно твоя инициатива.

Он выделил голосом слова «инициатива» и «твоя». В чате стрима пронеслась стена вопросительных знаков. Спустя несколько секунд в зрители вошли верифицированные аккаунты полицейских.

В коридоре оперативники в штатском заняли позиции. Ци Вэнь выглянул и зашептал в канал:

— Альфа! Альфа! Ситуация критическая! Объект ворвался внутрь с ножом, похоже, собирается убить отца! Входим?

Цинь Фэн, ожидавший лифт в подвале — единственный лифт, идущий на тридцать шестой, — закатил глаза от злости.

— Только что хвалил вас за профессионализм... Он ворвался со сломанным пополам деревянным мечом! Покажи мне, как ты этим «убьёшь отца»?

Ци Вэнь устыдился до глубины души:

— Э... Ну он такой грозный был, я решил — у него «Ледяная Скорбь».

(Примечание: «Ледяная Скорбь» (Frostmourne) — легендарный меч из World of Warcraft. Принц Артас убил им собственного отца. Известен в фандоме как «отцеубийственное оружие»)

— ...На задании можно не думать об играх?! — Цинь Фэн обернулся. За его спиной у Се Циляня

от смеха уже тряслись плечи.

Цинь Фэн ледяным тоном бросил ему:

— Завтра всем дополнительная тренировка!

Авторитет бывшего командира не утратил силы. Ци Вэнь чуть не заплакал:

— Есть!!!

С точки зрения мира живых ситуация была под контролем. Главный подозреваемый Хэ Сяньян — в офисе, только что сам себя сдал. За дверью — полный коридор оперативников. Районный участок уже на месте. Началась эвакуация гражданских.

Убийство, сокрытие тел, изуверские методы и подозрение в деятельности секты — это дело первостепенной важности. Ци Вэнь на секунду потерял бдительность от радости — и тут же попался мрачному Альфе, за что весь отряд безмолвно его осудил.

Стрим продолжался. За считанные минуты число зрителей перевалило за сто тысяч и продолжало расти.

— Зачем? — спокойно спросил Хэ Цзиньнянь и даже налил отцу чаю, будто им просто любопытно.

Хэ Сяньян метнулся к сыну и начал объяснять:

— У компании проблемы с ликвидностью! Мне нужен был этот ритуал привлечения богатства, иначе — делистинг! Папа знает, ты никогда в это не верил, но результат же ты видел сам...

— Теперь верю, — Хэ Цзиньнянь, улыбаясь, покрутил чашку. — Результат просто потрясающий.

Хэ Сяньян, увидев сияющую улыбку сына, тоже расслабился:

— Как ты вообще узнал? Тот мастер — ты его видел, он вдруг потребовал денег... Он к тебе ходил? Или ты нашёл схему в моём компьютере?

— У вас ещё и схемы есть? — Хэ Цзиньнянь поднял глаза. — В колоннах вместо арматуры — люди. Это конструктивно безопасно?

— Не переживай, папа всё просчитал. Те колонны ненесущие. Время, место, кандидатуры — всё рассчитал мастер по ритуалу. Схема в моём компьютере, потом посмотришь. — Хэ Сяньян

выдохнул с облегчением и тоже заулыбался. — Не волнуйся, авария на шахте проведена безупречно. Семьям выплатили всё: по миллиону с лишним на человека. Они довольны, жаловаться не будут.

— И правда щедро, — Хэ Цзиньнянь всё ещё улыбался и кивал. Внезапно что-то упало в его чашку с чаем. Бульк.

Улыбка Хэ Сяньяна замёрзла.

— Но достаточно ли этого, чтобы купить жизнь? — Хэ Цзиньнянь тихо поставил чашку. — Раньше я думал, что «капиталисты пожирают людей» — это зависть тех, кто мало зарабатывает. Теперь я знаю: пожирают. Буквально.

Дверь вышибли ногой. На пороге стоял Цинь Фэн. Хэ Цзиньнянь указал ему на компьютер отца:

— Пароль я сменил на шесть нулей.

Цинь Фэн кивнул. Специалист по цифровой криминалистике, натянув перчатки, немедленно сел за компьютер.

— Хэ Сяньян, на основании... заявления граждан, вы подозреваетесь в убийстве восьми шахтёров, заказном покушении на сотрудника полиции и организации деятельности секты. — Цинь Фэн произнёс это, а за его спиной Ци Вэнь уже доставал наручники.

Хэ Сяньян мрачно поднялся. Казалось, он что-то сжимал в руке — талисман? Хэ Цзиньнянь тоже встал.

Цинь Фэн:

— Не двигаться!

Солнечный свет мигнул. Хэ Сяньян вдруг увидел за спиной Цинь Фэна — молодого человека в белом.

— Богатство, собранное на чужих жизнях, пропитано кровью до последней купюры. И вы осмелились его принять?

Он был так невозмутимо спокоен, что у Хэ Сяньяна, поймавшего его чёрный, бездонный взгляд, возникло ощущение: все карты выложены, все тайны — на виду.

Молодой человек встал рядом с Цинь Фэном и неторопливо спросил:

— Раз уж всё зашло так далеко, расскажите: зачем вы переводили карму на собственного сына?

Цинь Фэн вдруг сказал:

— Он вам не сын.

Хэ Цзиньнянь вздрогнул и посмотрел на Хэ Сяньяна:

— Что это значит?

Хэ Сяньян не дрогнул:

— Не слушай его, он несёт чушь.

Цинь Фэн хмыкнул и открыл на телефоне материалы, присланные Ци Вэнем:

— Эпоха информационных технологий, безбумажный документооборот — у нас всё в архиве. Хэ Цзиньнянь — сын вашей жены от предыдущих отношений. Она забеременела до свадьбы, бывший парень бросил её. Вы женились, ребёнок родился и получил вашу фамилию. Никто вокруг не знал, что он вам не родной. Но вы растили его больше двадцати лет — неужели ни разу о нём не подумали?

Хэ Цзиньнянь посмотрел на Се Циляня:

— Это правда?

Он был человеком, бежавшим от своего смертного часа с помощью чёрной магии. Его зрение, искажённое нарушенным балансом Инь и Ян, видело в Се Циляне фигуру, окутанную клубами белого тумана, складывающегося в призрачные белоснежные одежды. В руке — длинный серебряный жезл. А за спиной Цинь Фэна сиял ослепительным золотом мо-дао. Хэ Цзиньнянь инстинктивно ужаснулся этому клинку: он вдруг осознал, что если этот меч на него обрушится, будет стократ страшнее, чем те восемь свирепых призраков.

— На вас одном — карма нескольких поколений рода Хэ. Если бы мы не пришли разбираться, после смерти вас ждал бы Ад без дна. Небесная кара. Полное уничтожение. А истинный кукловод — Хэ Сяньян — остался бы чист, как слеза. На нём даже числились бы заслуги за благотворительность. Он дожил бы до глубокой старости, мирно скончался, а в следующей жизни перевоплотился богачом или аристократом. — Се Цилянь ответил бесстрастно. — Вот это — настоящая ненависть.

Но, к его удивлению, Хэ Сяньян вдруг вскинулся:

— Нет! Не говори ерунды! Он мой сын! Сын моей любимой женщины! Я его люблю! Я для него всё продумал! Мэнхуа в старшей школе была первой красавицей. Её бывший — просто подонок: поматросил и бросил, жениться и не думал... Поэтому я ухаживал за ней. Она хотела сделать аборт, а я сказал — оставь, всё будет нормально.

Се Цилян:

— И одновременно: сделать широкий жест, чтобы жена полюбила ещё сильнее, и получить готового козла отпущения?

— ...Поначалу — да, я так и думал. Начиная с моего деда, который водил караваны, семья Хэ никогда не обходилась без этих... особых методов. Из поколения в поколение карма росла как снежный ком, пока даже домашний дух-покровитель перестал справляться. Я решил: пусть этот ребёнок примет на себя всё. В конце концов, я уговорил его мать не делать аборт — он мне должен... Но потом...

Он увидел выражение лица Хэ Цзиньняня — и осёкся. Хэ Цзиньнянь смотрел на торопливо оправдывающегося отца как на дешёвый фарс.

— Через два года госпожа Мэнхуа скорпостижно скончалась от болезни, — холодно произнёс Цинь Фэн. — Вы потеряли шанс иметь с ней настоящего общего ребёнка. Этот мальчик стал последней памятью о любимой женщине.

Се Цилян добавил с толикой яда в улыбке:

— И вы передумали.

— ...Я бросил все силы на то, чтобы это исправить! Каждый год — ритуалы, просил духа-покровителя оберегать его учёбу, карьеру! Я занимался благотворительностью, жертвовал деньги! И ещё — не жалея средств — заказал для него статую заслуг из золота, добытого на жале с особой земной энергией!

Цинь Фэн поднял бровь:

— Вот почему воровали только из одной сети ювелирных магазинов — из-за месторождения.

— Если бы не два обдолбанных идиота, которые всё спалили... — Хэ Сянъян зло выругался, но, встретив взгляд Хэ Цзиньняня, осёкся.

Карма нескольких поколений. Чем больше он делал — тем глубже увязал. И в конце концов оставался лишь один выход: снова искать подмену.

Тишина. Зрители стрима онемели — не знали, что и написать.

В кадре не было Се Цилян. Зрители видели только, как ворвалась полиция, и бывший глава «Цзиньсю» начал давать показания, перемежая их сектантским бредом.

Наконец поползли комментарии:

«Это что за... отец-убийца?! И даже не родной!!!»

«Я помню, когда младший Хэ ещё не вернулся из-за границы, старший уволил целый отдел за «несовместимость по знаку зодиака»! Тогда все ржали и репостили, а оказывается, он реально чокнутый!»

«Младший Хэ сам провернул реформу, сам вывел компанию в топ, а его приёмный папаша думает, что это заслуга его ритуалов?»

«На дворе 2019 год, а это что — суеверный зомби из прошлого века?»

«Моя бабушка тоже суеверная, но она максимум чаще ходит на кладбище подмести. По сравнению с этим моя бабушка — образец просвещённости.»

Хэ Цзиньнянь медленно поднял телефон и повернул камеру к себе:

— Думаю, сказанного достаточно в качестве улики. Благодарю всех за поддержку. Мне стыдно за то, что я обманул ваше доверие и симпатию... Дальнейшее, полагаю, не предназначено для публичной трансляции.

Он положил телефон. Выпустил из пальцев обломок персикового меча, который бессознательно сжимал.

— Так кто же я? — тихо спросил он.

Хэ Сяньян, застыв, смотрел на него. Губы шевельнулись. Наконец он сказал:

— Мой сын.

— Я думал: да, я из богатой семьи, но я достаточно трудолюбив. Я не транжира. Я сам поступил в зарубежный вуз. Я спас компанию в кризис... Оказывается, всё, чем я гордился, — лишь побочный эффект чьей-то чёрной магии, — Хэ Цзиньнянь отступил на два шага от отца.

Хэ Сяньян:

— Нет-нет, ты прекрасный ребёнок! Папины ритуалы только подтолкнули — всё остальное ты сделал сам!

— Я не верю, — Хэ Цзиньнянь смотрел на него. — Я видел те кости, обглоданные до белизны. Я не могу верить. Потому что пока я «старался», они тоже старались — выцарапаться из стен.

На когтях свирепых призраков была пыль и цемент. Он помнил отчётливо.

— В этом мире есть не только деньги и успех, папа, — сказал Хэ Цзиньнянь. — Должна быть и справедливость.

Он сделал ещё шаг назад:

— Я думал, мой отец любит меня. Оказывается, через меня он любил женщину, которой давно нет. Хотя... мама, наверное, была замечательной.

Се Циляннь спокойно ответил:

— Ни великих заслуг, ни тяжких грехов. Обычная душа среди миллиардов. Хотя сейчас неизвестно, под каким небом она живёт, — думаю, она всего на три-четыре года младше вас. Как раз в возрасте, когда люди изо всех сил строят свою жизнь.

Хэ Цзиньнянь помахал телефоном и усмехнулся:

— Может, она тоже оставляет комментарии «муженёк!» у меня под постами в Вейбо?

Се Циляннь:

— Жизнь и смерть, перерождение. Инь и Ян в гармонии. Небо и Земля хранят справедливость.

Хэ Цзиньнянь кивнул:

— Тогда хорошо.

Его нога чуть сдвинулась. Потом он снова улыбнулся — ослепительно, дерзко, именно так, как полагалось «кумиру нации».

Телефон в кармане Цинь Фэна вдруг завибрировал.

— Остановите его!!!

<http://bllate.org/book/17937/1721675>